УДК 343.14

Бочинин Сергей Александрович – адъюнкт Хабаровского пограничного института ФСБ России (г. Хабаровск). E-mail: bochinin 75@rambler.ru

S.A. Bochinin

To a question about the concept of proofs in the domestic criminal legal procedure

The author considers it necessary to specify the concepts, which do not have exact legislative registration. It is affirmed in the article that the proofs are the unity of information and procedural sources on the base of which it is suggested to file amendments to the article 74 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation.

Keywords: criminal procedure, proof, law of evidence, collection of proof.

К вопросу о понятии доказательств в отечественном уголовном судопроизводстве

Автор статьи считает необходимым уточнить понятия, не имеющие точного законодательного оформления. В статье утверждается, что доказательства – это единство сведений и процессуальных источников, на основании чего предлагается внести изменения в ст. 74 УПК РФ.

Ключевые слова: уголовный процесс, доказательство, доказательственное право, собирание доказательств.

Доказательства в уголовном процессе представляют собой важнейшую системообразующую и научную категорию, которая имеет исключительно важное практическое значение. Известный русский юрист дореволюционной эпохи Л.Е. Владимиров в июне 1909 года произнес такие слова: «По важности своей учение об уголовных доказательствах должно стоять на первом плане в науке уголовного процесса» [1. С. 4]. Кроме этого, тезис о том, что «… понятие доказательства, признаки, характеризующие его содержание и форму, взаимодействуют с понятиями, относящимися к условиям и порядку собирания, проверки и оценки доказательств» [2. С. 228], представляется весьма значимым в контексте настоящего исследования.

Считаем целесообразным остановиться на рассмотрении основных научных направлений и взглядов ученых, занимавшихся проблемой доказательств, по мере развития и становления российского уголовного судопроизводства.

По мнению некоторых правоведов, «… исторический процесс формирования понятия доказательств, проходя ряд этапов, развивался от логико-психологических представлений (доказательства – это средства убеждения в существовании фактов) к информационно-содержательным

(доказательства – это сведения о фактах, подлежащих установлению), получившим закрепление в современном уголовно-процессуальном законодательстве» [3. С. 71]. При этом, на всех этапах исторического развития (как, впрочем, и сейчас) доказательства выступали главными орудиями уголовного судопроизводства.

В условиях действия Устава уголовного судопроизводства 1864 года в теории доказательств высказывались различные мнения о понятии «доказательство».

Например, М.В. Духовской считал, что «… доказательствами может быть все, что способно содействовать разъяснению уголовного преступления, невиновности или степени виновности обвиняемого» [4. С. 205].

Позже Л.Е. Владимиров утверждал, что «… уголовным доказательством называется всякий факт, имеющий назначением вызвать в суде убеждение в существовании или несуществовании какого-либо обстоятельства, составляющего предмет судебного исследования» [5. С. 100].

Весьма примечательно, что в указанных примерах доказательства понимались именно в содержательном аспекте. При этом, как верно отмечается в науке, «… не проводилось различия между фактом как реальностью, как фрагментом действительности и фактом как достоверным знанием об этом фрагменте, т. е. продуктом познавательной деятельности» [3. С. 51].

В.К. Случевский предлагал определение, представляющее интерес оригинальностью трактовки для того времени: «... под уголовными доказательствами следует разуметь те фактические данные, на основании которых судья может образовать в себе в отношении преступного посягательства убеждение о событии преступления и виновности совершившего его лица» [6. С. 376]. Как видим, при определении понятия «доказательства» впервые стал упоминаться термин «фактические данные».

В УПК РСФСР 1922 и 1923 гг., по сути, не было определения доказательств как средств доказывания. Наиболее полное определение было сформулировано в уголовно-процессуальном законодательстве, принятом в 1958 – 1960 гг. В ст. 16 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик и в ст. 69 УПК РСФСР было указано следующее: «Доказательствами по уголовному делу являются любые фактические данные, на основе которых в определенном законом порядке орган дознания, следователь и суд устанавливают наличие или отсутствие общественно опасного деяния, виновность лица, совершившего это деяние, и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела». Справедливости ради необходимо отметить, что среди учёных-процессуалистов советской эпохи также не было единства в определении понятия «доказательство», и этот вопрос долгое время оставался дискуссионным. Точки зрения на природу доказательств, выработанные представителями процессуальной науки в этот период, на наш взгляд, можно сгруппировать в три основных блока, где доказательства понимаются как:

1) фактические данные – сведений о фактах (С.А. Голунский, Д.Р. Расулов и С.Г. Новиков, П.А. Лупинская, Ц.М. Каз, Г.М. Миньковский, И.Д. Перлов, Ф.Н. Фаткуллин и др.);

2) факты объективной реальности, а также фактические данные, при помощи которых они установлены (М.С. Строгович, М.П. Шаламов и др.);

3) неразрывное единство содержания (фактических данных) и процессуальной формы – источников, в которых содержатся эти сведения (В.Я. Дорохов, А.И. Трусов, В.А. Притузова, Л.Т. Ульянова и др.).

Вместе с тем, некоторыми из указанных выше авторов, комментирующих ст. 69 УПК РСФСР и предлагающих свои трактовки дефинитивной нормы закона, определяющей доказательства по уголовному делу, эта норма воспринималась не совсем однозначно и логически обосновано.

В этой связи, в литературе справедливо отмечается, что сформированные модели доказательства были далеки от совершенства [7. С. 58, 61]. Недостаток логической модели доказательства (когда доказательствами по уголовному делу являлись только факты, объективно существующие факты реальной действительности) заключался в том, что она породила целый ряд теоретических дефектов и несуразностей, так как доминировал лишь логический аспект доказывания, и весь процесс сводился к оперированию только фактами – доказательствами.

Возникал ряд закономерных вопросов: «Если доказательствами являются только факты, то они, в свою очередь, тоже должны быть чем-то доказаны? То есть должны быть какие-то доказательства доказательств? И вообще, если доказательства – объективно существующие факты, то какой смысл их оценивать и проверять?» [7. С. 60]. На подобные вопросы логическая концепция доказательств, несмотря на свою внешнюю стройность и научную строгость, не могла дать однозначный ответ. Естественно, что претензии ученых при такой постановке проблемы были обоснованы.

Концепция, в соответствии с которой доказательствами являются факты и те источники, из которых эти факты почерпнуты (показания свидетелей, заключения экспертов и др.), также не лишена изъянов, противоречий и не избежала критики. В частности, отмечалось, что в источниках содержатся все-таки не факты, поскольку таковыми они могут быть признаны лишь на основе определенной совокупности доказательств после соответствующей проверки и оценки. Применительно к каждому отдельному доказательству утверждать, что в нем содержатся факты, довольно рискованно, так как содержание доказательства может оказаться как истинным, так и ложным.

Наряду с этим, отмечалось существенное противоречие, касающееся прямых доказательств. Получалось, что говорить о доказательствах – фактах – можно лишь применительно к косвенным доказательствам, в которых содержание не совпадает с предметом доказывания. В отношении прямых доказательств таковыми приходится считать только источники, а не содержание (поскольку, как указывалось, факт не может быть

доказательством самого себя).

Ясность была внесена после того, как В.Я. Дорохов предложил различать познавательный аспект понимания доказательства (единство объективного содержания и субъективной формы) и правовой аспект (предъявляемые к доказательствам требования относимости и допустимости). Доказательство обозначает, прежде всего, единство фактических данных и их процессуального источника [2. С. 211]. Правильность такого определения признаётся в юридическом сообществе и в настоящее время. Именно из такого понимания доказательств по уголовному делу, как наиболее обоснованного и отвечающего потребностям судебно-следственной практики, следует, по нашему убеждению, исходить.

Предложенная В.Я. Дороховым информационная модель, на наш взгляд, устранила существовавшие ранее изъяны и позволила говорить о пути познания, в котором в качестве доказательств как средств познания выступают информация, сведения. В отличие от фактов, логично и правомерно говорить о достоверности либо недостоверности информации, о ее проверке и оценке.

Понимание информационной (познавательной) стороны доказательства необходимо осуществлять и с позиции теории познания. Событие преступления, отражаясь в окружающем мире, порождает многообразные следы (информацию), которые, будучи явлением объективной реальности, существуют независимо от познающего субъекта. В процессе проведения следственных и процессуальных действий они фиксируются в материалах дела в преобразованном виде: в форме показаний свидетелей, потерпевших, обвиняемых, подозреваемых; заключений экспертов и т. д.

Такая трактовка соответствует и теории отражения, согласно которой человек в своей мыслительной деятельности оперирует информацией о событиях и фактах, имевших место в прошлом, а не самими фактами.

Другими словами, сведения, составляющие содержание доказательств, по существу, являются ничем иным, как информацией в ее современном понимании. Как обоснованно отмечал Р.С. Белкин, «… информация, используемая в судопроизводстве для установления истины по делу, называется доказательственной, а носителями информационных сигналов выступают объекты как живой, так и неживой природы. С точки зрения теории отражения, доказательства – изменения, связанные с исследуемым событием» [8. С. 41, 84].

При принятии в 2001 году УПК РФ была закреплена правовая норма, которая в своей основе повторяла дефиницию доказательств 1969 г. Правда, она содержала и некоторые существенно новые положения: «Доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном настоящим кодексом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела» (п. 1 ст. 74 УПК РФ). Кроме этого, в соответствии с требованием ч. 2 ст. 73 УПК РФ, в

качестве обстоятельств, подлежащих доказыванию, признаются и обстоятельства, способствовавшие совершению преступления.

Как видим, вместо понятия «фактические данные» законодатель ввел термин «любые сведения», на основе которых следует устанавливать наличие или отсутствие обстоятельств, входящих в предмет доказывания. В литературе некоторыми авторами отмечается, что указанные термины («любые фактические данные» и «любые сведения») употребляются как синонимы, и попытки обосновать их существенное различие должны быть признаны неплодотворными и не заслуживающими поддержки [9. С. 55].

Наряду с этим, существует мнение, что в теории доказательств и законе было бы более правильно использовать термин «фактические данные», поскольку в русском литературном языке под ними понимаются «… любые сведения информационного характера об обстоятельствах, подлежащих установлению и доказыванию по уголовному делу с целью его правильного разрешения» [10. С. 52].

Действительно, не совсем понятна логика законодателя при замене термина «фактические данные», существовавшего в УПК РСФСР, на «любые сведения», ведь в русском языке под «сведениями» достаточно ясно понимается «познание в какой-нибудь области», общие и неглубокие знания, представления о чём-либо [11. С. 173], а под термином «данные» – «сведения, необходимые для какого-нибудь вывода, решения» [12. С. 699]. При этом, вполне очевидно, что в уголовном судопроизводстве все сведения собираются, закрепляются, проверяются, затем оцениваются для принятия решений, а, в свою очередь, «… разработку любого процессуального решения можно представить как относительную последовательность этапов (элементов): предварительный анализ полученной информации, … дающий возможность выявить и сформулировать проблему, наличие которой предполагает необходимость последующей правоприменительной деятельности» [13. С. 49, 50].

На наш взгляд, весьма примечательна и позиция отдельных авторов относительно словосочетания «любые сведения», означающего «какие угодно, всякие, каждые». То есть, круг сведений, способный убедить следователя и суд в существовании тех или иных обстоятельств, законом не ограничен, и к «любым сведениям» могут относиться и те, которые получены с соблюдением норм УПК, и те, которые содержатся в анонимных заявлениях, показаниях потерпевшего, свидетеля, основанных на предположении, догадке, слухе. Сказанное означает, что содержание ч. 1 ст. 74 УПК РФ противоречит ч. 2 данной статьи, предусматривающей исчерпывающий перечень допустимых доказательств [14. С. 8, 9]. Конечно, данное суждение излишне упрощает трактовку приведенной нормы закона, тем более что далее автор указанной работы абсолютно необоснованно говорит о том, что термины «данные» и «сведения» равнозначны понятию «доказательства», вступая в противоречие с нормами доказательственного права, поскольку ни данные, ни сведения сами по себе доказательствами по уголовному делу не являются [14. С. 60, 61]. Но, тем не менее, указанная

позиция довольно наглядно демонстрирует преимущество термина «фактические данные», как «соответствующие фактам», отражающие действительное состояние чего-либо.

Изменения, внесенные законодателем в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, по нашему мнению, более существенно вторглись в деликатную сферу доказательственного права.

Дело в том, что ч. 2 ст. 69 УПК РСФСР, определяющая, что фактические данные устанавливаются показаниями свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, заключением эксперта, вещественными доказательствами, протоколами следственных и судебных действий и иными документами, в теории доказательств понималась вполне определенно, а именно как процессуальные источники фактических данных. Что же получается в нынешнем законе? По сути, ч. 2 ст. 74 УПК РФ противоречит первой, игнорирует её, так как содержит уже совершенно иное понятие доказательств. В ней законодатель указывает, что в качестве доказательств фактически допускаются источники доказательств. Таким образом, из содержания ст. 74 УПК РФ вытекает, что в законе закреплено «двойственное» понимание доказательства, позволяющее сделать вывод, что с одной стороны – это любые сведения, а при ином рассмотрении – их процессуальные источники. Такое положение вещей «… разрушает научно обоснованное понятие доказательств в уголовном процессе, исключает их анализ с точки зрения допустимости, поскольку данное свойство означает соответствие их требованиям закона относительно процессуальных источников сведений, правил получения их из соответствующего процессуального источника, а также фиксации в материалах уголовного дела» [15. С. 329]. В связи с этим, нельзя не отметить, что толкование понятия «доказательство» как единство сведений и процессуальных источников неразрывно связано с предъявляемым к нему требованием допустимости, так как применение положений института допустимости доказательств имеет важнейшее практическое значение, определяет конечный результат любого уголовного дела. Однако ч. 2 ст. 74 УПК РФ в существующем ныне виде позволяет сделать вывод, что сведения и лица, которые сообщили эти сведения, воспринимаются именно как элементы, между которыми поставлен знак равенства. Ведь дальше по тексту закона мы видим ст. 79 УПК РФ, разъясняющую, что показаниями свидетеля являются сведения, сообщенные им на допросе, проведенном в ходе досудебного производства по уголовному делу или в суде в соответствии с требованиями, установленными законом, и аналогичные нормы, определяющие показания подозреваемого (ст. 76 УПК РФ), обвиняемого (ст. 77 УПК РФ), потерпевшего (ст. 78 УПК РФ), эксперта, специалиста (ст. 80 УПК РФ).

При таких условиях об эффективном действии института допустимости доказательства как основного требования, предъявляемого к его форме, не приходится и говорить, в связи с тем, что происходит отождествление сведений как объективной основы доказательств и процессуальных источников как их процессуальной формы. Всё это, на наш взгляд, вносит

существенную путаницу в правоприменение и противоречит самим основам доказательственного права.

С учётом изложенного следует признать, что редакция ст. 69 УПК РСФСР была более удачной, поскольку точнее отражала логику установления обстоятельств, подлежащих доказыванию. Исходя именно из понимания доказательств как единства сведений и процессуальных источников представляется необходимым внести изменения в закон, устранить имеющиеся противоречия и изложить ст. 74 УПК РФ в следующей редакции:

«1. Доказательствами по уголовному делу являются любые полученные в предусмотренном законом порядке фактические данные, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном настоящим кодексом, устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

2. Процессуальными источниками таких данных являются:

1) показания подозреваемого, обвиняемого;

2) показания потерпевшего, свидетеля;

3) заключение и показания эксперта;

3.1) заключение и показания специалиста;

4) вещественные доказательства;

5) протоколы следственных и судебных действий;

6) иные документы».

Среди современных исследователей, высказывающих своё мнение относительно понятия «доказательство» (в условиях действия УПК РФ), на наш взгляд, сложилась устойчивая тенденция приверженности к смешанной концепции, когда под доказательствами понимают факты, сведения о них, а также их источники. Например, в диссертационных работах последних лет высказаны следующие точки зрения:

- «… под доказательством в современном российском уголовном процессе следует понимать: а) сведения, полученные из предусмотренного законом источника, предусмотренным уголовно-процессуальным законом способом, закрепленные в соответствующей процессуальной форме и позволяющие установить наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию; б) судебный факт, т. е. сообщение, представленное и исследованное сторонами в ходе судебного заседания, принятое судом в качестве истинного» [16. С. 11, 12];

- «… понятие «доказательство» есть явление, а «сведения» и «процессуальные источники сведений» – это составляющие этого явления. Следовательно, сведения о фактах, источники этих сведений и доказательство соотносятся как содержание, форма и явление» [17. С. 8];

Представляется, что при подобных подходах в определении доказательств объединяются различные гносеологические категории – информация и факты-аргументы [7. С. 63]. Кроме того, по справедливому мнению В.Я. Дорохова, необходимо строго разграничивать понятия

«источники фактических данных» (сведений, информации) и «источники доказательств»; для того, чтобы стать доказательством, фактические данные должны быть относящимися к делу. Сведения, которые не подтверждают и не опровергают фактов, имеющих значение для дела, не могут рассматриваться как доказательства. Свойство относимости фактических данных – обязательный признак доказательства [2. С. 213]. Попытки абсолютизировать значение допустимости в процессе собирания доказательств в ущерб признаку относимости приводит к нежелательным результатам. Так, по мнению одного из создателей «прагматической» модели понятия «доказательства» С.А. Пашина, «… доказательствами служат процессуально оформленные сообщения, а также документы или другие предметы, которые правомерно использовать в судопроизводстве для установления фактов, учитываемых при вынесении процессуальных решений, в особенности – приговоров». «Сообщения, а также документы или другие предметы» указанный автор относит к «материалам», делая вывод о том, что «… все доказательства суть материалы, но не все материалы могут быть доказательствами» [18. С. 10].

Впоследствии такое понятие было отражено в одном из проектов Уголовно-процессуального кодекса РФ. В нём доказательствами предлагалось считать «… любые законно полученные судом или сторонами предметы, документы и другие материалы, использование которых в соответствии с положениями настоящего кодекса допустимо для установления обстоятельств происшествия, а также иных имеющих значение при производстве по уголовному делу обстоятельств».

Такая формулировка вызывает большие сомнения. Неудивительно, что она обоснованно была подвергнута критике. Так, на страницах юридической литературы справедливо указывается: «… от того, что дознавателям, следователям, судьям (и иным субъектам, участвующим в доказывании) законом будет предписано рассматривать в качестве доказательств предметы, документы и другие материалы, они не перестанут в реальном процессе доказывания оперировать ничем иным, как сведениями о фактах и обстоятельствах, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела» [9. С. 62, 63].

Мы же, в свою очередь, хотели бы отметить, что вызывает недоумение словосочетание «предметы, документы и другие материалы». Следуя буквально его смыслу, и предметы, и документы правомерно отнести к «материалам». Однако, помимо предметов и документов, к ним (материалам) можно относить и что-то другое. Что именно в проекте УПК не разъясняется, а обоснование заменяется общей формулой: «… использование которых в соответствии с положениями настоящего Кодекса допустимо для установления обстоятельств происшествия...».

Так, в соответствии с указанным проектом этого документа, в доказывании возможно и необходимо использовать показания потерпевших, свидетелей и т. д. Однако нет основания утверждать, что показания, как

устные сообщения об обстоятельствах дела являются материалами [15. С. 328].

В результате, мы можем констатировать, что относимость и допустимость отражают содержание и форму доказательств, поэтому их необходимо рассматривать как обязательные признаки доказательства. Следовательно, только доказательствами, пригодными как по содержанию, так и по форме, можно обосновать обстоятельства, перечисленные в ст. 73 УПК РФ, а также промежуточные и итоговые выводы по уголовному делу.

В итоге, можно сделать вывод о том, что среди различных мнений по поводу доказательств в уголовном процессе наиболее обоснованным, убедительным и отвечающим интересам судебно-следственной практики является их синтезирующее определение, представляющее собой понимание доказательств как органического единства сведений и процессуальных источников.

Литература и источники:

1. Владимиров, В. Е. Учение об уголовных доказательствах / В. Е. Владимиров. – СПб., 1916. – 200 с.

2. Дорохов, В. Я. Теория доказательств в советском уголовном процессе / В. Я. Дорохов ; отв. редактор Н.В. Жогин. – Изд. 2-е исправленное и дополненное. – М., «Юрид. лит.», 1973. – 736 с.

3. Шейфер, С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования / С. А. Шейфер. – М. : «НОРМА», 2008. – 240 с.

4. Духовской, М. В. Русский уголовный процесс / М. В. Духовской. – М., 1910. – 448 с.

6. Случевский В. Учебник русского уголовного процесса / В. Случевский. – СПб., 1913. – 669 с.

7. Орлов, Ю. К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе / Ю. К. Орлов. – М. : Юристъ, 2009. – 175 с.

8. Белкин, Р. С. Собирание, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы / Р. С. Белкин. – М., Издательство «Наука», 1966. – 296 с.

9. Доля, Е. А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности : монография / Е. А. Доля. – М. : Проспект, 2009. – 376 с.

10. Балакшин, В. С. Доказательства в российском уголовном процессе: понятие, сущность, классификация / В. С. Балакшин. – Екатеринбург : УрГЮА, 2002. – 112 с.

11. Словарь синонимов. Академия наук СССР // Институт русского языка. – Ленинград : Издательство «Наука», 1975. – 619 с.

12. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова // Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд.,

дополненное. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.

13. Глазунов, Б. Б. Процессуальные решения в стадии предварительного расследования : учеб. пособие / Б. Б. Глазунов. – Новосибирск : Изд-во СибАГС, 2008. – 120 с.

14. Царева, Н. П. Документы – доказательства в уголовном судопроизводстве / Н. П. Царёва. – М., 2003. – 254 с.

15. Зажицкий, В. И. Результаты оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве: теория и практика / В. И. Зажицкий. – СПб. : Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. – 449 с.

16. Бестаев, А. О. Способы собирания доказательств в уголовном процессе РФ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. – Ростов-на-Дону, 2007. – 26 с.

17. Купряшина, Е. А. Источники доказательств и критерии их оценки в уголовном процессе РФ : автореф. дисс. … канд. юрид. наук: 12.00.09. – Воронеж, 2007. – 23 с.

18. Пашин, С. А. Доказательства в российском уголовном процессе / С. А. Пашин. – М., 1999. – 104 с.